

Мишина Галина Витальевна

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ КРЕСТЬЯНКОЙ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА

В статье рассматривается вопрос формирования в творчестве Н. А. Некрасова нового взгляда на традиционный образ крестьянина. Анализируются субъектно-объектные отношения с точки зрения теории автора. Исследование соотношений субъекта и объекта в поэтических текстах позволяет выявить эволюцию некрасовской художественной системы в сторону нового типа отношений между автором и героем. Отмечается сближение сознаний автора и героя на позднем этапе творчества, отказ от прямой морально-нравственной оценки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 120-122. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос формирования в творчестве Н. А. Некрасова нового взгляда на традиционный образ крестьянина. Анализируются субъектно-объектные отношения с точки зрения теории автора. Исследование соотношений субъекта и объекта в поэтических текстах позволяет выявить эволюцию некрасовской художественной системы в сторону нового типа отношений между автором и героем. Отмечается сближение сознаний автора и героя на позднем этапе творчества, отказ от прямой морально-нравственной оценки.

Ключевые слова и фразы: Н. А. Некрасов; субъектно-объектная структура текста; литературный тип; автор; герой; портрет.

Мишина Галина Витальевна, к. филол. н.

Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке

MishinaGV@yandex.ru

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА[©]

В творчестве Н. А. Некрасова образ крестьянина становится центром поэтического осмысления. Едва ли не впервые в истории русской литературы возникает не цельный, монолитный образ опоры земли русской, землепашца, корнями в землю и веру православную выросшего, носителя многовековой народной мудрости. На смену ему приходит личность во всем многообразии ее неоднородных проявлений.

Целью нашего исследования является изучение своеобразия творчества Н. А. Некрасова в аспекте формирования субъектно-объектной структуры поэтических произведений. Данной проблемой в свое время продуктивно занимался Б. О. Корман [5]. Вопрос о соотношении категорий автор-герой остается актуальным и для современного некрасоведения. В данной работе речь пойдет о формировании в поэзии Н. А. Некрасова нового авторского взгляда на традиционный образ героя-крестьянина.

По нашему мнению, весьма затруднительно говорить о литературном типе русского крестьянина (не крестьянки) у Н. Некрасова. Об этом может косвенно свидетельствовать выделение исследователями в некрасовской образной системе таких локальных литературных типов, как «народный заступник», «люди холопского звания».

Литературный тип как «готовая форма личности» [7, с. 255] предполагает, во-первых, неотвратимую зависимость от заданных обстоятельств, своего рода, кармы. О Башмачкине как «маленьком человеке» Н. В. Гоголь пишет: «Ребенка окрестили, причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник» [2, с. 122]. Герой-тип не в силах вырваться из рамок сложившихся социально-исторических условий и психологических особенностей. Во-вторых, имеется определенная похожесть на представителей данной художественно-образной группы из других произведений. К типу «маленького человека», например, традиционно относят также Самсона Вырина из «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина, Макара Девушкина из «Бедных людей» Ф. М. Достоевского. Все они мелкие чиновники с мизерным жалованием, ничтожные по своему социальному статусу, в определенном смысле ограниченные и одинокие. У каждого из них есть какая-то одна, но жизненно значимая привязанность, что делает их ещё более уязвимыми. В ситуациях противостояния жизненным трудностям они оказываются в роли жертвы. Подобную общую характеристику, конечно с учетом индивидуальных особенностей, можно было бы дать любому сложившемуся литературному типу, например, «лишнего человека», «новых людей» и т.п.

Личности же крестьян в разных произведениях Н. Некрасова весьма разнообразны и неоднозначны.

Герой стихотворения «В дороге» (1845) – крестьянин, раскрывающий душу барину-пассажиру. Монолог в ситуации диалога – достаточно распространенная для некрасовских лирических новелл форма организации речи. Лирический повествователь также становится свидетелем нецерковной исповеди героя из народа в стихотворениях «Школьник», «Похороны» и др.

Использование подобного художественного приема демонстрирует потребность Некрасова, как представителя просвещенного общества, не просто посмотреть на крестьянскую жизнь из любопытства или гуманистических побуждений, а взглянуть в быт, семейные отношения, проникнуться их мечтами, верой. Лейтмотивом этого нового взгляда могли бы стать строки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Вгляделся барин в пахаря...» [6, т. 5, с. 46]. Некрасов исходил не только из личных побуждений, он осознал глобальное внутреннее движение общественной мысли в сторону познания народной национальной идеи. А. Радищев в свое время тоже *увидел* крестьянина и попытался заставить сделать это читающую публику России (правда, не сразу: как мы знаем, «Путешествие из Петербурга в Москву» было запрещено долгие годы). Некрасов же попытался прикоснуться к крестьянскому сознанию, проникнуться им. В том числе по этой причине в его творчестве масштабно представлена ролевая лирика, и стихотворения, написанные от лица мужика, занимают среди них значительное место.

Конечно, движение в глубь народного сознания было продолжительным, непростым, неоднозначным, и вряд ли можно считать его в отношении Н. Некрасова законченным. Герой стихотворения «В дороге», хотя и старательно использует в речи диалектизмы, просторечные слова и обороты, пока больше напоминает лубочную картинку, правда выполненную в нехарактерных для лубка темных, трагических тонах. Возница говорит о своем неприятии образования и дворянского воспитания, которые пришли в его дом вместе с женой из дворовых, он груб, его кругозор сужен бытовыми потребностями. Но уже здесь можно говорить о революционности некрасовского подхода: читателю открылась *terra incognita* внутреннего мира человека из народа. Нужно отметить, что открытие самой возможности признать за человеком из народа право иметь внутренний мир, думать и чувствовать так же, как дворянин, принадлежит в русской литературе Н. М. Карамзину («И крестьянки любить умеют...» [3, с. 37]). Некрасовский крестьянин из стихотворения 1845 года вызывает сочувствие своей наивностью, простотой суждений, несчастной судьбой. Просвещенному читателю середины XIX века открывалась способность мужика любить своих детей и беспокоиться об их будущем, жалеть жену, оказавшуюся лишней в родной крестьянской среде по прихоти хозяев-помещиков, и вообще испытывать чувства и мыслить.

Некрасовский крестьянин вызывал чувство сострадания, картины его низкой, беспросветно тяжелой жизни ужасали и давали возможность поразмышлять о способах социального переустройства мира на основе идеи всеобщего равенства. Автор-повествователь в этих случаях оставался в роли судьи, мудрого и следующего нравственным нормам, но стоящего явно *над* крестьянином и *оценивающего* его жизнь. В целом, образ человека из народа, созданный Н. А. Некрасовым на данном этапе творчества, был понятен и поддавался объяснению.

Однако позже, когда Некрасов стал не просто заглядывать в темные углы народной жизни, как проповедовала натуральная школа, а попытался увидеть в крестьянине личность, *равную* себе, и понять его с этих позиций, эта задача оказалась гораздо сложнее.

Привычный образ крестьянина стал рассыпаться. Появились новые черты. И первое, что было с удивлением отмечено, это любовь к труду. Не к легкому и приятному, как на картинах романтиков, а к тяжелому, ежедневному труду землепашца и работника. Любовь к земле, земледелию, унаследованные от предков, осознание себя частью этого мира обжитой природы. Работа не только ради пропитания, а ради самого труда, как образ жизни, как внутренняя, интуитивная, врожденная необходимость в благородном труде. Одна из самых пронзительных картин нарисована в «Железной дороге»:

Все претерпели мы, божи ратники,
Мирные дети труда [6, т. 2, с. 170]!

Это то созидание, которое создает лицо мира, цивилизационный портрет народа и государства. В этой деятельности один выступает как часть общего народного организма, мыслимого как рой. Именно такой миропорядок, соборное, исконно русское, а потом и православное мироустройство может сохранить нацию как целое и способствовать ее эволюции.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, –
Не по плечу одному [Там же, с. 169]!

Удивительно самоотрешение, какое-то медитативное состояние работников. Крестьянин-работник впадает в своего рода транс, погружаясь в монотонные повторяющиеся действия, требующие больших физических усилий:

И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит [Там же, с. 170]!

Такую привычку к труду Некрасов называет благородной, восхищается способностью принять как данность обреченность на ежедневный жизненно необходимый труд. Скорбная картина, нарисованная Некрасовым в «Железной дороге», содержит и возвышение: работники названы божьими ратниками. По мысли Некрасова, трудовое подвижничество позволяет обрести статус освещенных божественной благодатью.

Некрасов восхищен физическим и духовным богатством крестьян, способностью свернуть горы, одолеть любой, самый невероятный по тяжести и сложности труд, способностью возвращать семя в самых сложных условиях, содержать свою семью впроголодь и помещика в роскоши, способностью встать на защиту Родины, быть храбрым воином, ратником на поле брани. «Тема героического самопожертвования, страдания во имя идеала – важнейшая в поэзии Некрасова», – отмечает А. М. Березкин [1, с. 239].

Но помимо этого есть у Некрасова и другая сторона портрета крестьянской России. Финал «Железной дороги» достаточно долго оставял в недоумении критиков и исследователей, особенно революционно-демократического и социалистического толка. Последние строфы удручают жесткой иронией по поводу дикой картины: оставившие на строительстве свои силы и здоровье, обманутые подрядчиками работники ликуют от того, что им простили недоимку и выставили бочку вина. Впрягшись вместо лошадей, народ мчит купчину по дороге с криком «Ура!».

Горький риторический вопрос, заданный Некрасовым, – «Кажется, трудно отрадней картину / Нарисовать, генерал..?» [6, т. 2, с. 172] – повисает в воздухе. Почему настолько талантливый и на многое способный народ так склонен к самоуничтожению, безграничному смирению. О неоднозначности толкования смирения как ключевого православного концепта размышляют и современные ученые, например, Т. Г. Коноваленко пишет:

«В православной системе ценностей понятие смирения рассматривается как одна из основных добродетелей. При этом попытки его определения оказались непростой задачей даже для богословов и философов» [4, с. 101].

Примеры проявления рабского терпения носят в произведениях Н. Некрасова как единичный, личностный (Ипат, Яков из «Кому на Руси жить хорошо»), так и коллективный (вахлаки из той же поэмы) характер. Эти эпизоды автор не может объяснить до конца. Он лишь с горечью констатирует: «Люди холопского звания – / Сущие псы иногда: / Чем тяжелей наказания, / Тем им милей господа» [6, т. 5, с. 196]. Естественно предположить, что источником подобного поведения является узаконенное рабовладение, рабская психология, воспитываемая веками, вошедшая в генетический код, и поэтому трудно истребимая даже после отмены крепостного права. Или это особое свойство личности, как противоположное ему бунтарство или страсть к покаянию (как у лирического героя самого Некрасова)? Такие противоречивые черты, амбивалентность образа крестьянина не давали завершить, «закруглить» образ человека из народа, сделать его гомогенным. И автор не торопится давать ему однозначную оценку, вынося «приговор действительности». Вероятно, поэтому в советском литературоведении подобные страницы Некрасова нередко оставались без комментариев.

Наряду с самыми высокими благородными чертами в сфере внимания поэта оказываются черты низкие, свидетельствующие о незрелости личности героев. Поэтому и портрет народа оказывается у Н. А. Некрасова неоднородным. Следуя, с одной стороны, общей тенденции в изображении крестьянина, Некрасов находит и не утаивает от читателя детали, не вписывающиеся в привычную картину и ставящие вопрос об истинности представлений образованной части общества о народе. Такой подход был частью художественной системы Н. А. Некрасова, которая предполагала движение к народу просвещенного поэта, стремящегося проникнуть в его сознание, веру, соединиться с ним.

Таким образом, рассмотрев на примере произведений, относящихся к разным периодам творчества Н. А. Некрасова, характерологические черты образа крестьянина и его авторскую оценку, мы можем говорить об определенной эволюции. На раннем этапе Некрасов тяготел к созданию традиционного целостного образа человека из народа и предлагал вполне определенные авторские суждения гуманистического характера. В более поздний период крестьянский мир теряет единство, наделяется неоднозначными, порой противоречивыми, морально-нравственными качествами. Авторское сознание при этом сближается с сознанием героя, что заставляет больше задавать вопросы, вступать в диалог, нежели давать прямую оценку народной жизни.

Список литературы

1. Березкин А. М. Сакральные коннотации в семантике поэтического образа: «Пророк» Н. А. Некрасова // Русская литература. 2014. № 2. С. 229-241.
2. Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Правда, 1984. Т. 3. С. 111-138.
3. Карамзин Н. М. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1966. 272 с.
4. Коноваленко Т. Г. Смирение как ключевой концепт православной языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). Ч. 2. С. 101-104.
5. Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова // Корман Б. О. История русской литературы. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2008. С. 253-601.
6. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1981.
7. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 1. 512 с.

DUAL PORTRAIT OF PEASANT RUSSIA IN THE CREATIVE WORK OF N. A. NEKRASOV

Mishina Galina Vital'evna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
MishinaGV@yandex.ru

The article examines the problem of forming a new outlook on the traditional image of a peasant in N. A. Nekrasov's creative work. The paper analyzes the subject-object relations from the viewpoint of the theory of an author. Studying the correlations of subject and object in the poetical texts allows identifying the evolution of Nekrasov's artistic system towards a new type of relations between an author and a character. The researcher accentuates the rapprochement of consciousnesses of an author and a character in the late period of creative work, abandoning the direct moral and ethical assessment.

Key words and phrases: N. A. Nekrasov; subject-object structure of a text; literary type; author; character; portrait.